

Весна в тот год выдалась ранняя. Уж и не припомнишь, когда была такая прежде. Как-то вдруг сразу, по-летнему, припекло солнышко. Придавило сугробы, растопило наледь на обочинах дорог да развезло грязь на поселковых улицах. Сотни ручьев, наперебой перекрикивая друг друга, заспешили к реке, где, сливаясь воедино, становились одним целым с великой северной красавицей Леной. Молчаливо, но по-якутски терпеливо выжидала она своего часа, чтобы, пробудившись после долгого сна, вздохнуть полной грудью и, сбросив тяжелые оковы, освободиться от ледового плена.

К майским праздникам снег сошел, сквозь пожухлую траву стали пробиваться молодые ростки; словно пестрым ковром усыпали склоны крутых сопок нежные цветки якутского подснежника, а в небе весело закружили стрижи, радуясь возвращению в родные гнезда.

Однако за день до ледохода резко похолодало, небеса заволокло тучами: густые и темные, они плотной свинцовой завесой низко нависли над Табагой и к обеду накрыли ее густым снегопадом. К вечеру налетел ветер, разогнал тучи и, спустившись к берегу, вдохнул жизненную силу в спящую реку. Проснулась Лена, налегла плечом на ледяную толщу и со скрежетом, подгоняя ледяные глыбы бурлящим потоком, понесла свои воды на север. В ту ночь вышла она из своих берегов, затопила пойму, наводнила протоки и залила луга в окрестностях поселка.

Утро девятнадцатого мая 2009-го выдалось на редкость холодным. Ветер, что год от года неизменно провожает непокорную красавицу к морю Лаптевых, завывая, гулял по верхушкам склонов. Резкими порывами срываясь вниз, набрасывался он на прохожих, обжигая лицо и руки своим ледяным дыханием. В такую погоду человек из дома нос не кажет, а вот осетру лед да холод не помеха, в это время стоит царь-рыба в глубоких ямах на тихих местах. Тут рыбак не зевай! Хорошая рыбаина килограмм на пять-десять тянет! И везение здесь ни при чем, рыбные места знать надо!

Знал такое место и Серега Добрянцев. Вырос он на реке, а какой же мальчишка в Табаге не рыбак? Даже ленивый мог сказать, на какую приманку какая рыба берет и в какую погоду лучше! Нынче-то детей младше пятнадцати родители к воде не пускают, боятся за любимых отпрысков. А было время, сами в десять уже сетями промышляли! Бывало, в ледоход по льдинам у берега на спор бегали да на плотках перебирались по бездонной протоке! Это сейчас, как вспомнишь, — мурашки по коже, а тогда только дух захватывало да кровь играла в жилах. Прознал бы про эти детские шалости отец, непременно отходил бы ремнем по заду и надолго запретил даже близко подходить к реке.

Осетровое место Сергей нашел еще в девяностых. С дружкой своим Геной Зюзиным, бывало, килограмм на десять осетра вытягивали. В лихие девяностые

жить стало тяжело. Спасибо реке-кормилице, выручала. Зарплаты, случалось, по пять месяцев не платили, вот и приходилось каждому по-своему крутиться.

Сергея магазинчик свой открыл, Генка же — человек военный — себя среди «челноков» не нашел, помыкался немного да потянулся в Москву в поисках лучшей жизни.

Пришлось Добрянцеву нового напарника искать. Уж сколько лет с той поры минуло, почитай четвертый десяток разменял, только каждый год, едва сорвет льды, будто магнитом тянуло Сергея к тем осетровым ямам. Днем раньше заглянул в гости Сашка, брат меньший. Давай, говорит, на осетра! К столу-то по-любому возьмем, и ладно. Вот рыжая бестия, посмеялся над братом Сергей, не забыл ведь, знает, чем душу встревожить!

Санька действительно был рыжий, среднего роста, вечно с трехдневной щетиной и торчащими, как у таракана, усами. В старой Табаге многие даже фамилию его не знали, а только скажи: Санька Рыжий, махали рукой: «Как же, знаю!»

На клевые места чужих брать не принято, а Анатолий Царев — дядька по матери, к тому же и рыбак заядлый, вот и решили ему предложить составить компанию. Внимательно выслушав племянников, мужчина взбодрился. Заиграл в глазах азартный огонек, разве ж настоящий рыбак от такого заманчивого предложения откажется! Искоса глянув на супругу, что управлялась со скалкой, раскатывая тесто на пельмени, Царев пригладил усы, перевел взгляд на болотные сапоги, что сиротливо висели на гвозде у двери, и, кашлянув, подтянул трико.

— Да поезжай уж, — отозвалась жена и, хитро глянув на мужа, вытерла руки о передник. — Ведь всю плешь проешь, коли дома останешься.

— Когда едем-то? — расправил родственник плечи и, не удержавшись, снял со стены болотники.

Ехать решили с утра. Сергей с вечера перебрал сети. Поставил мотор в бочку с водой, погонял на холостых оборотах, опробовал винт на ходу, проверил и только потом стал собираться.

— Вы что, на зимовку собрались? — окликнула Сергея с порога жена. Тот в ответ пожал плечами:

— С чего это ты взяла?

— Да вон Санька твой по всем родственникам прошелся. Поди, опять стопки собирает? Как бы ни пришлось вам завтра без него сети ставить!

Сергей призадумался. Выпить Санька любил, не без того. Но, что касается рыбалки, охоты, ни разу не подводил. Только, действительно, что его по родне понесло? Может, спросить чего хотел? Или бродил по другой какой надобности.

На этой мысли Сергей и успокоился. Да и чего по пустякам голову ломать, завтра все сам расскажет, если захочет. Только понягу* собрал, стук в двери. Родственник, племянник Артур, на последнем автобусе приехал погостить, на выходные из города вырвался. За разговорами дошло дело и до рыбалки. У Артура, как услышал про протоку, глаза загорелись — возьмите с собой!

Парнишка молодой, крепкий, почему не взять? К тому же, чем черт не шутит, вдруг Санька и на самом деле наберется? Кого тогда поутру по поселку сыщешь! А тут человек свой да и в рыбацком деле не новичок.

В назначенное время собрались на берегу, стянули корму казанки в воду и, пока Сергей крепил мотор, равномерно распределили по лодке весь рыбацкий бутор. Рыжий подошел чуть позже, трезвый как стеклышко. Сергей хотел было

* Поняга — устройство для переноса утвари, трофеев и припасов у охотников. Представляет собой прообраз рюкзака.

расспросить брата про вчерашние похождения, да не стал, поосекся, мало ли чего! Перед дорожкой присели на берегу. Закурили.

— Ну, двигаем, чего рассусоливать? — бросил окурок Царев и, выправив спину, засучил рукава. — Прыгайте, столкнуйте!

— Дядь Толь, — ухмыльнулся Сергей, раскатывая болотники, — давай в лодку. Я толкну. Артур, Санек, чего ждете?

Рыбаки молча расселись в лодке, оставив Сергею место у мотора. Добрянцев застегнул пуховик на молнию, натянул на голову вязаную шапку и без особых усилий приподнял нос казанки. Подавшись грудью вперед, столкнул ее в воду и сам запрыгнул в лодку. Здоровьем Сергея господь не обидел, одарил сполна, грех жаловаться. В поселке его шутя дразнили Добрыней.

Скоро лодка затихла на воде и, тихо покачиваясь на волнах, поплыла по течению. Сергей присел к мотору. Раз, два, три, все впустую, не заводится, хоть убей. Попробовал еще раз и еще. Да что ты будешь делать! Не идет и все.

— Наш надо было взять, — заметно нервничая, сухо подметил Царев и полез в карман за сигаретой. — Набрали моторов буржуйских, вот теперь мучаетесь.

— Да я вчера его гонял! Как часики, с полтычка запускался, — оправдывался Сергей, копошась в моторе.

— Артур, чего сидишь, — забубнил Царев и, шурясь от едкого дыма, прикусил фильтр сигареты. — Давай на весла и вдоль берега держись. Вишь, льдины тащит, не успеешь сообразить, как ледоход отнесет течением, а там льдами нашу казаночку как фольгу сомнет!

Артур послушно сел за уключины и подгрел в сторону берега.

— Вот, так и держи, — одобряюще произнес Царев, поглядывая на проплывающие поодаль ледяные глыбы. — Ближко тоже не подплывай, а то винтом дно хватанем, тогда прощай рыбалка.

Сергей снял пуховик, уже минут двадцать он впустую крутил стартер, но мотор молчал как заговоренный. Добрянцев поднял крышку и внимательно осмотрел каждое соединение: «Все вроде в порядке. Чего ему надо? Как бы ни пришлось несолоно хлебавши домой возвращаться».

Царев словно прочел его мысли:

— Вот что, Сереж. Судьбу испытывать не будем. Не на пруду, на реке все же! Пробуй еще пару раз, и, если не заведешь, сворачиваем мероприятие!

Добрянцев закрепил на моторе крышку, глубоко вздохнул и крутанул стартер. Движок забубнил, закашлял, и едкий синеватый дымок повис над водой. Сергей улыбнулся и, утерев капли пота со лба, повернул рукоять газа. Оставляя пенный след за кормой, казанка набрала скорость и, разрезая килем волну, скоро скрылась из виду в плотной пелене густого тумана.

То самое осетровое место находилось в Октемских протоках, километрах в двадцати пяти от старой Табаги, за островом Медвежка. В паводок незнающий рыбак мог легко заблудиться в многочисленных рукавах этих протоков. Приняв большие острова за коренной берег, можно плутать, покуда не кончится бензин или не вынесет строптивым течением в реку на расправу рвущимся к северу льдинам. Но Сергей в любую погоду безошибочно вел лодку к цели, эту дорожку они проторили с другом юности Геной Зюзиным еще в девяностые, потому уверенно держал курс на бледнеющий в утренней дымке остров. Ближе к берегу Сергей сбросил обороты. Тут лихачить ни к чему, можно на топляк налететь. Топляк тем и опасен, что плывет бревно не на поверхности, а слегка притоплено, простым глазом сразу не увидеть,хватишь такое на скорости, и глазом моргнуть не успеешь, как опрокинет, а там — как богу будет угодно.

Остров с высоким обрывистым берегом обошли по течению, подплыли с пологой стороны и, заглушив мотор, врезались носом в песок. Рыжий выпрыгнул первым и, ухватившись за веревку, потянул лодку к берегу.

— Ну, молодежь! — по-молодецки перемахнув через борт, задорно выкрикнул Царев. — Я костерок замастрячу, а вы вещи стаскивайте!

Пока перетаскивали рыбацкий бутор, готовили сети, Царев собрал в кучу сухой валежник и, присев на корточки, поднес к нему горящую сеть. Затрещал сухостой, и пламя, пожирая одну хворостину за другой, взметнулось ввысь. Обдало жаром лицо, и, играя озорным отражением в глазах, закружили над костром искры. Потирая ладони, Царев обвел взглядом округу и поднял глаза к небу:

— Господи, красотища-то какая! Чего ж мы в другие страны-то к буржуйам отдыхать едем? Ведь вот оно, небо наше русское, его же нигде чище нету!

Анатолий любил эту землю, любил реку, черные покосившиеся домики старой Табаги, что приветливо глядели вечерами на прохожих светом из окон. Ни на какие блага мира не променял бы эти простые, милые сердцу места.

Поджав живот, мужчина примостился на брусничник и острым якутским ножом нарезал сало, хлеб, раскладывая все на скатерть, раскинутую на земле. Рыбаки молча наблюдали за дядей в ожидании главного момента. Оглядев стол, Царев довольно улыбнулся и, вынув из рюкзака бутылку водки, подмигнул племянникам:

— Чего, замерзли? Садитесь, или не будете?

— Наливай, пока при памяти! — бодро выкрикнул Санька, опустил на колени и, потирая руки, подставил стаканы. Выпили, закусили.

— Еще по одной и двигаем, — утерев рукавом губы, сказал Сергей. — Для сугреву хватит.

Выпили по второй. Стали собираться. Санька застегнул рыбацкий бушлат и, неуклюже ерзая, натянул сверху ярко-оранжевый спасательный жилет.

— Ты чего это? — усмехнулся Добрянцев, наблюдая, как туго брат затягивает крепления.

— Вам-то чего! — бросил в сторону Сергея Рыжий. — Вы-то в лодке. Один на моторе, другой на веслах, а мне сети ставить! Хлюпнусь — и ко дну. А так, если что, как поплавок!

— Ладно, поплавок! — похлопал брата по плечу Сергей. — Пошли.

Порожняком лодка без труда сошла в воду. Артур, налегая грудью на весло, оттолкнул казанку с мелководья и, сделав несколько взмахов, отгреб от берега. Сергей опустил мотор и, сдвинув на затылок шапку, крутанул стартер. На этот раз «буржуй» не капризничал, завелся сразу.

Добрянцев слегка дал газу и, сделав оборот, направил лодку к тальнику, что находился по другую сторону острова. Там, за притопленной косой, густо поросшей тальником, от которого торчали лишь невысокие верхушки, был небольшой затон, место тихое. Бурное внешнее половодье обходит его стороной, поэтому по большой воде течения там нет, а вот глубина приличная. Тут-то, в ямах, и есть излюбленное место осетра: и тихо, и дно песчано-илистое. Вот только чтобы добраться до этого безмятежного места, надо прежде пересечь бурную протоку, где своенравная река, вопреки всем законам природы, несла свои черные воды как хотела. Рукав этот опасный, глубоководный, стремительно гонит течением льдины и топляки, беспощадно сметая все на своем пути.

Здесь, в бурлящих, словно кипяток, водах, встречались две малые протоки со странным названием Гнилые и, закручивая водовороты, уходили в большую. Против такой необузданной силы ничто не в силах устоять, что там казанка — целые поселения поглощала стихия в своем безудержном порыве.

В это время не каждый чудаки решится пройти по краю бездны, где неправильный маневр или простая оплошность могут стоить жизни.

И хотя Сергей проделывал этот путь не первый раз, он все же крепко вцепился в борт казанки и, повернув рукоять газа, встал носом к волне. Мощный встречный поток, разбиваясь о скулы, захлестывал нос лодки и холодной пощечиной бил в лицо, но Добрянцев крепко сидел за мотором, не отводя глаз от намеченного курса. Перед косой сбавил обороты и повернул, лодка накренилась, и корму отнесло на тиховод. Обогнув косу, рыбаки с облегчением перевели дыхание и закурили. У тальника заглушили мотор, лодка по инерции все еще скользила вдоль кустарника, но через минуту остановилась. Место действительно тихое, казанка стоит на месте, едва покачиваясь на своих волнах.

— Выгребай носом к тальнику, — кивнул Артуру Рыжий, забрался на нос и, встав на колени, стал разлаживать сети. Закончив, он, лихо подтянув крепкую ветку, завязал на ней узел и повернулся к гребцу: — По тихой отгребай, не спеши, и смотри по наплавам, чтоб ровно ложились!

Засучив рукава, Рыжий стал медленно опускать снасть в воду, а когда последний поплавок плюхнулся с носа, взмахнул рукой:

— Сто-ой! Все! — потер ладони и весело подмигнул напарникам: — Давай к Царю! Водка стынет!

Сергей завел мотор и, отвернув от сети, взял курс на стрежень. Лодка едва набрала скорость, как рукоять выбило из рук Добрянцева, в одно мгновение какая-то неведомая сила подняла его и опрокинула на спину. Прежде чем ледяная бездна поглотила его и черные волны сомкнулись над головой, Сергей увидел, как задрало вверх нос казанки и тут же промелькнул яркий жилет брата.

Движок последний раз взвыл где-то совсем рядом и, захлебнувшись, умолк. В ушах повис давящий гул, теперь Добрянцев ощутил, как настойчиво тянет его к себе бездонная пустота. Он взглянул вверх. Слабый свет пробивался сквозь толщу мутной воды, и Сергей, собрав силы, отчаянно потянулся к нему. Жажда жизни вытолкнула его на поверхность, захлебываясь, он жадно хватанул ртом воздух и, сделав пару больших взмахов, ухватился за нос лодки. Огляделся, кругом — никого.

Впервые смерть прошла так близко, что он ощутил ее холодное дыхание за спиной. Пуховик пропитался водой и камнем тянул вниз. Сергей попытался растегнуть замок на молнии, но впустую, тот, как назло, заклинило. Куда с такой ношей вплавь, взмах-два и неминуемо пойдешь ко дну, одно спасение — держаться за лодку, утонуть которой не давал пенопласт, его Сергей просто по случайности, второпях, не успел убрать из форпика. Только совсем не это беспокоило его сейчас.

— Пацаны! Пацаны! — осипшим голосом закричал он, полным надежды и отчаяния взглядом рыская по воде.

— А-а! — вырвалось из груди Артура, он вынырнул метрах в пятнадцати от лодки, с хрипом набрал в легкие воздух и ушел под воду. Санька появился вовремя, уже на ощупь успел ухватить племянника за воротник и, вытянув на поверхность, подтащил обескураженного парня к казанке:

— Держись! И, что бы ни случилось, не отпускай! Понял?

— Понял, — дрожащим голосом ответил Артур, мертвой хваткой вцепившись в нос казанки. Сергей похлопал родственника по плечу и с облегчением перевел дыхание. Все живы.

— Повезло! — подплыл Сашка к брату, снял с головы шапку, выжал и, натянув на глаза, кивнул в сторону протоки, где, перекатывая буруны, стремительным потоком пронеслась большая вода. — Если б там опрокинуло, прямиком в воронку бы затянуло, а там... Ладно, — выдохнув изо рта густой пар, продолжил Рыжий, — к тальнику надо, там отмель, в прошлом году где-то здесь по пояс было!

Он повернул нос лодки, перекинул веревку через плечо и, напрягаясь изо всех сил, погреб к кустам.

— Пацаны, только не отпускайте!

До косы метров пятьдесят. Оставалось уповать на удачу и милость божию... Тальник был глубоко притоплен, примерно метра на два, где-то и на все три. Но ближе к косе подходило мелководье, которое при большой воде притапливалось на метр, полтора, не более.

Видя напряженные лица родственников, Санька решил их немного подбодрить, улыбнулся и неторопливо выдохнул изо рта густой пар:

— Прямо как на «Титанике»!

Когда на хмурых физиономиях заиграли улыбки, пусть и не такие, как хотелось бы Саше, он повеселел и на душе отлегло. Значит, не все еще потеряно, не в такие передрыги попадали и то ничего!

Вот и долгожданный кустарник. Артур с Сергеем прицепились за тальник, а Рыжий, выгребая вдоль косы, оглядывался по сторонам, словно чего-то выискивая.

— Залазь на тальник! — крикнул брату Сергей, но тот только грустно взглянул в глаза Добрянцева.

— Мы так долго не провисим! Я вдоль косы проплыву, говорю же, в прошлом году где-то здесь по пояс было! Я в жилете, за меня не волнуйтесь!

— Брось, Санька, — одернул брата Сергей, — посмотри, коса тянется на несколько километров! Где ты эту отмель найдешь?

Санька ничего не ответил, и Сергей понял, что решение его твердое, а потому переубедить не стал. Он и в детстве был такой упрямый, если вобьет чего в голову, хоть что с ним делай, все одно по-своему сделает. Одежда на Сашке насквозь промокла и отяжелела настолько, что жилет едва удерживал его на плаву.

Сергей проводил его взглядом, но, когда оранжевый ворот скрылся за густой порослью, почему-то вдруг пожалел, что не настоял, как когда-то в детстве, когда рыжий мальчишка, понуро опустив голову, повиновался воле старшего брата. А между тем время словно остановилось, минуты казались часами и, выстраиваясь длинной чередой ожиданий, будто превращались в вечность. Добрянцев пристально всматривался в реку, прислушиваясь к каждому отдаленному звуку. Тишина. Насколько хватает глаз — лишь пустынная даль, прекрасная и беспощадная. Легкий туман стелился над островами, они то исчезали в его серой пелене, то вновь предстали во всем своем величии. Всего несколько сотен метров отделяло их от спасительной тверди, но они были по ту сторону бурлящего потока.

Рыбаки раз за разом взбирались на стволы тальника, но тот медленно склонялся к воде, и тогда приходилось проделывать все сначала.

— Э-э-эй! Помогите! Мы здесь! Э-э-эй! — срывая голос, закричал Артур и, всем телом подавшись вперед, жадно вглядывался в укутанную мрачной дымкой реку. Его надрывный крик, полный надежды и отчаяния, гулким эхом отозвался за темным силуэтом далекого острова и растаял в пустоте ледяного безмолвия. Тальник прогнулся, и юношу по плечи захлестнула вода; растерянно барахтаясь, он ухватился за соседний куст и, сделав несколько попыток, потянулся вверх.

— Бесполезно, — равнодушно произнес Сергей, подтягивая племянника за оледеневший ворот. — В такое время других дураков на реке нет! А Толик за мысом, ветром эхо относит, он нас не услышит!

— А может, повезет, — едва шевеля посиневшими губами, прошептал Артур. — Может ведь?

На этот раз Сергей промолчал, ему самому безумно хотелось верить, что их обязательно найдут и спасение совсем рядом, но в то же время понимал, что надеяться на это глупо. Теперь им оставалось уповать разве что на чудо, но кто

знает, сколько они так продержатся? Пока Царев поймет, что что-то случилось, пока в поселке хватятся. Нет, столько они на тальнике не провисят, не смогут просто физически. А между тем становилось холоднее, все ощутимее чувствовалось ледяное дыхание реки, оно колдовскими чарами отгоняло тревогу и клонило ко сну, навевая какое-то необыкновенно странное спокойствие.

— Люди, помогите! — собрав остаток сил, прокричал Артур, он набрал воздуха, чтобы повторить, но голос сорвался. Парень зашелся хриплым кашлем. Его звонкий крик о помощи в очередной раз взорвал тишину.

— Сергей! — стуча зубами, полным безысходности голосом с трудом выговорил Артур. — Больше часа висим. Может, хватятся?

Сергей взглянул на белое лицо Артура, покрытые инеем брови и молча кивнул головой в ответ — конечно, хватятся! В очередной раз карабкаясь на тальник, Сергей почувствовал, как заоченели пальцы. Ветки кустарника покрылись льдом, держаться с каждым разом становилось труднее, а счет времени потерял всякий смысл. Угасал последний огонек надежды, укутывало серебристым инеем затуманенное сознание и кружило голову. В памяти встали картины из прошлого, они то ясно представляли перед глазами, то расплывались на фоне реки и исчезали. В такие минуты руки слабели, веки закрывались, а голова беспомощно падала на грудь. Очнувшись, Сергей крепче сжимал пальцы, подтягивался выше и с тревогой смотрел на племянника. Артура трясло, он нашептывал что-то похожее на молитву и, не отрывая глаз от далекого горизонта, повторял ее снова и снова.

— Слышишь! — судорожно прохрипел Артур и чуть не сорвался в воду. — Мотор!

Сергей подтянулся, прислушался, но ничего, кроме легкого перекачивания волн, не услышал.

Добрянцев оглядел бескрайний речной простор и с сочувствием взглянул на Артура. Такое бывает, когда в часы томительного ожидания в предвкушении долгожданного спасения цепляешься за тонкую нить надежды, начинаешь верить в чудо. А на деле все вполне обыденно и просто, это лишь плод разыгравшегося воображения. Что уж говорить об Артуре, у него наверняка за время, проведенное в студеной воде, рассудок мог помутиться. Размышления Сергея прервал далекий отзвук, что эхо едва слышно доносило из-за дальнего острова. Он приближался и с каждой секундой становился все громче и отчетливее. Вскоре Сергей ясно расслышал гул мотора, однако ликовать преждевременно не стал, а вдруг это всего лишь галлюцинации? Но такое может происходить с одним, а никак не с двумя сразу. Рыбаки мертвой хваткой вцепились в тальник и с замиранием сердца уставились в темное очертание острова. «Лишь бы сюда, лишь бы в нашу протоку!» — стучало в груди барабанной дробью.

Через пару минут лодка маленькой точкой показалась из плотной пелены тумана и, обогнув остров, направилась в их сторону. У Сергея от волнения сбилось дыхание — давайте, родные! Сюда! А между тем лодка быстро приближалась, было видно, как кто-то указывал рукой в их сторону, а сквозь завывания мотора уже отчетливо слышались обрывки якутской речи.

Чтобы подойти вплотную, не поднимая волну, метров за пятьдесят до тальника моторка сбавила ход. В лодке сидело четыре человека, якуты: молодые парни и пожилой мужчина с папиросой в зубах. Судя по тому, как беспрекословно и четко исполнялись его указания, видимо отец или дед. Теперь Добрянцев смог разглядеть их ближе: лица смуглые, обветренные, одеты тепло, ондатровые шапки с завязанными на затылке ушами и овчинные жилетки поверх пропахших дымом вязаных свитеров. Под ногами ружья, патронташи и битая утка. Охотники из Октемцев — без труда определил Сергей — ждали крикашей за островом. Народ они

терпеливый, часами, да что часами, сутками могут сидеть молча, без движения в ожидании дичи. Видимо, каким-то чудесным образом, порывом ветра крик Артура донесло до охотничьего скрада. Парни помогли рыбакам перебраться в лодку и, ни о чем не спрашивая, протянули Добрянцеву затертую солдатскую фляжку. В нос ударил резкий запах спирта. Сергей сделал пару глотков и передал флягу Артуру. В груди зажгло, и разогретая кровь побежала по телу. Сергей повернулся к старуке и, с трудом выговаривая слова, едва слышно прохрипел:

— Сашки нет! Брата моего!

Седовласый старик взглянул в лицо Добрянцева, глубоко затянулся и, окликнув высокого худощавого парнишку, кивнул ему в сторону протоки:

— Кинилэр ус этилэр, иннигин кер.

Молодой охотник живо запрыгнул на нос и, широко расставив ноги, стал зорко осматривать округу.

— Ыксама! — отрывисто произнес старый охотник, обращаясь к человеку за мотором, и, сдвинув брови, указал тонким пальцем на нос: — Вдоль куста иди, пока он не скажет!

— Сэп, — одобряюще отозвался рулевой и, слегка повернув рукоять газа, направил лодку вдоль кустарника.

— Керебю! — звонко выкрикнул паренек с носа, махнув в сторону ближнего тальника, затем опустился на колени и, намотав на руку носовой конец, подался назад. Мотор взял ноту пониже, и лодка пошла быстрее. Сергей уперся локтем в борт и заглянул вперед. Совсем неподалеку, в двадцати метрах от них, пестрел ярко-оранжевый полукруг — подголовник Санькиного жилета. Сердце запрыгало в груди, и боль, что сковывала ноги, отошла в сторону.

— Жив Сашка! Жив!

Лодка подошла ближе, мотор умолк. Легкой волной Сашку развернуло. Он был без шапки, мокрые волосы покрылись льдинками и инеем, лицо опущено в воду.

— Сашка! — закричал Добрянцев и, встав на колено, потянулся к брату. Лодку качнуло, накренило, скользнула мокрая одежда по оледеневшей сидухе, и Сергей, потеряв равновесие, вывалился за борт. Обдало лицо ледяной водой, забурлило и зашумело в ушах, а тяжелый пуховик в одночасье потянул на дно. Один из охотников крепко ухватил Добрянцева за ворот и, поднатужась, вытянул на поверхность. Глотнув воздух, Сергей вцепился рукой в борт. Тяжелого, стокилограммового громилу Добрянцева с трудом втащили в лодку. Потом подняли Сашку, положили рядом с братом. Спокойный, будто и не умер, а просто спит. Сергея колотило, в горле встал ком.

Сашка, добрый Сашка, с которым босоногой шпаной носились по Табаге, украдкой от родителей бегали на берег Лены и, стащив у отца ружье, ходили на сопку за зайцами, лежал рядом бледный и бездыханный.

Видно, сам того не ведая, он вчера с родственниками прощаться ходил, вот ведь, душа-то, видать, чуяла скорую гибель, может, и Санька чувствовал, да не хотел верить? Напился бы он и не поехал с ними, может, все по-другому обернулось бы? Да, видно, позвала его студеная водица, поманила да так при себе и оставила.

Мотор взревел, и, рассекая волну, лодка помчалась к берегу. Сергей лежал на спине и смотрел в небо. Серое и бездонное, простиралось оно над головой насколько хватало глаз, и не было конца и края этой великой вселенной, где человек всего лишь ничтожная пылинка в извечном водовороте жизни.

